

УДК 316.74:141.113

Н. А. Победа, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой
Одеський державний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНЕ ОБЩЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУКТИВНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Статья посвящена роли социально-культурных факторов в стабилизации социума. Особое внимание уделяется явлению мультикультурализма. Оно рассматривается как идеология и как социальная практика. Анализируются модели канадского, австралийского, американского, европейского, советского мультикультурализма. Раскрываются социальные практики проявления поликультуральной толерантности в южном регионе Украины.

Ключевые слова: интеграция, сверхинтеграция, дезинтеграция, системная интеграция, мультикультурализм, конструктивный плюрализм.

Актуализация понятия «интеграция» в контексте глобализации. Интеграция общества — ключевой вопрос всех социальных наук. Осмысление понятия «интеграция» на теоретическом уровне предполагает способы прочтения времени, диагностику социальных практик, воплощенных в опыте разных стран и одновременно в общем поступательном развитии человечества, т. е. в его цивилизационном ракурсе. На операциональном уровне «интеграция» может быть обозначена как измерение оснований общественной солидарности, объяснение закономерностей и факторов, обеспечивающих относительную целостность сообществ, стран и их международный консенсус на разных временных этапах.

Чем вызвано возобновление интереса к содержательным смыслам интеграции в современный период?

На социетальном уровне происходит *изменение конфигураций мирового социума*: образуются новые регионы, представляющие собой «миры миров»; усиливается противостояние США и Западной Европы по разным основаниям (экономическим, военно-стратегическим, социокультурным), активизируются арабские страны не только в их традиционной конфронтации с Израилем, но и с США. Активизируется исламский фундаментализм, претендуя на влияние в мировом масштабе. Неоднозначно развиваются отношения между странами, входившими ранее в СССР.

Процесс глобализации *ослабляет бывшие устои государственного регулирования*. Управление переходит в руки ограниченного круга лиц и международных финансовых структур. На фоне дальнейшего развития глобализации, подталкивающей индивида к активизации жизненной позиции и поиску собственной ниши в мире конкуренции

и соперничества, *усиливаются индивидуалистические свойства*. Прагматизм вытесняет нравственные основания самореализации, разворачивая драматургические сюжеты социальной реальности.

Контекст глобализации прослеживается в роли мировых религий. Будучи объединительными основаниями родового свойства на фоне глобализации и ослабления государственного регулирования социальных процессов, они вновь усиливают свои функции в интеграции социума по новым основаниям.

Понятие «*интеграция*» соотносится с другими близкими ей понятиями, такими как *дезинтеграция*, *сверхинтеграция* (что указывает на меру ослабления механизма регуляции социальных отношений), *конфликтность*, *стабильность*, *функционирование* и *развитие* (что свидетельствует о степени процессуальной стороны солидаризации разных социальных групп); *организованное оформленное изменение* (что подчеркивает разработанность инструментальной и процедурной базы для оценки динамических изменений социума и его подсистем). Измерение степени интеграции не может обойтись без обсуждения *смысловых содержательных единиц*, ответа на вопросы: что представляют собой основания солидаризации, какова их эволюция и иерархия спектра этих оснований в онтологическом, геостратегическом и космологическом аспектах, каковы границы солидаризации (какие управленческие воздействия могут иметь эффект усиления целостности общества и свободы индивида).

Общим *смысловым полем интеграции* является *воспроизводство того или иного сообщества в длительном совместном взаимодействии* и, что не менее важно, — *в качестве жизни, удовлетворяющей все более разнообразные и усложняющиеся потребности членов общества, а также по критерию эффективности коммуникации в нем*.

Системная и социальная интеграция. Интеграция рассматривается прежде всего *по основанию взаимодействия сфер общественной жизни* — экономики, политики, культуры. *Это социальный уровень анализа и характеристика системной интеграции*. «Перекося» экономики и политики, вторжение их в культурные подсистемы, ориентация на коммерческую составляющую фиксируется как разрушение естественных оснований воспроизводства общества, как усиление центробежных тенденций, как противостояние технического прогресса и моральных устоев. В свою очередь изменения в духовной сфере, связанные с массовой культурой, потребительским поведением, распространение аудиовизуальных средств и усиление компьютерной зависимости представляются в качестве наглядных примеров деформаций по социокультурному основанию. Более того, транснациональное влияние ослабляет национально-государственные идентичности. Эти явления трудно регулируются в государственном масштабе. Неслучайно их относят к классу системной интеграции и предполагают, что разные общества справляются с ними в различной степени, в том числе *путем самоорганизации* и обновления смыслов исторической, культурной, языковой идентичности на государственном уровне. Однако воз-

никновение такого явления, как глобализация, свидетельствует о том, что сфера экономики явно доминирует и предопределяет новые правила мирового порядка.

Предметом обсуждения ученых, политических деятелей в рамках *взаимодействия сфер общественной жизни* являются *межорганизационные отношения в сети подсистем*, а также *процедурное* управление со стороны государственных структур явлениями дезинтеграции и сверхинтеграции.

Позитивным сдвигом является хотя бы то, что взаимодействие сфер общественной жизни стало рассматриваться через призму *отношений*.

Примером регуляции сфер общественной жизни на региональном уровне является Западная Европа и образованный с целью более высокого качества жизни и уровня интеграции — Европейский Союз. Расширяются его структуры, ужесточаются правила и принципы вступления в Европейский Союз для стран с разным экономическим потенциалом и уровнем демократизации, но характер управления *через отношения* становится все более очерченным, идеологически и процедурно обоснованным, чем и достигается определенное восхождение к целостности социума.

Интеграция по основанию взаимодействия сфер общественной жизни имеет место и на социальном уровне, т. е. в рамках определенных стран. В научной литературе она обозначается как *социальная интеграция*. «Перекосы» во влиянии разных сфер имеют в качестве объяснения «традиционный», «естественно-исторический» и «достижительный» характер. В государствах постсоветского пространства наследие тоталитаризма (сверхинтеграции) проявляется в том, что политика все еще диктует решение экономических проблем. Сфера экономики не просто направляется, а зависит от государства, культура регулируется менее жесткими рамками системы образования и средств массовой информации. Но учитывая, что финансирование этой сферы носит «остаточный» характер, наука и искусство отпущены в свободное плавание выживания в условиях рыночных отношений. Они представляют собой практики самоорганизации и поле изучения естественных оснований интеграции социума.

Анализируя социальные практики, проявляющиеся в ходе трансформации украинского общества в последние 10 лет, можно обозначить *основные виды конфликтов*. Они будут свидетельствовать о векторах дезинтеграции в разных сферах общественной жизни. В сфере экономики — это *конфликт, связанный с переделом собственности* и вызванный переходом от государственного монополизма к частному владению. *Как следствие — конфликты на почве приватизации и изменения структурных подсистем национальной экономики*. Поскольку в новом экономическом пространстве обозначился приоритет обращения над приоритетом производства, то главным *механизмом взаимодействия* становится обмен и спекуляция, доходы носят не открытый, а латентный характер. Противоречия между статусом и до-

ходом, равно как и между доходом и квалификацией по связи в большинстве случаев прямо противоположны. Это находит продолжение в конфликтах мотивации к труду и соблюдении норм нравственности. Криминализация общества — следствие институциональных и личностных деформаций системного характера. Происходит сращение власти и олигархов, представляющих основной капитал, большинство членов общества начинает жить в порочной связи, вырабатываемой идеологией этого союза. Поскольку личный интерес в этой связи является осознанным и ведущим, то интеграция по криминальному основанию осуществляется быстрее, чем в случаях неосознанного экономического интереса.

Производными от конфликта собственности являются конфликты общей занятости населения, изменения доли безработных, дифференциация по объему доходов и выплат заработной платы в государственном и частном секторах и т.д.

Особым видом дезинтеграции, исходящим из изменения форм собственности, является конфликт управленческих структур, в частности центра и регионов по формированию их бюджетов, по соотношению полномочий областных и городских администраций. В силу того что государственные структуры переключили основные функции на жизнеобеспечение и выживание, ослабло внимание к вопросам долгосрочного стратегического планирования, ориентации на развитие и регуляцию социальных отношений.

Конфликты в сфере политики носят характер прилива и отлива. Обостряются, как правило, в период предвыборных компаний. *При общем увеличении политических партий политические интересы разных слоев населения слабо выражены.* Партии не имеют социальной базы, собственной идеологии, оформленных целевых программ, что задерживает формирование политического сознания и общего уровня политической культуры украинского общества в целом. *Низко доверие населения к большинству политических институтов,* крайне ограничен «список» политических лидеров, пользующихся уважением среди населения. *Конфликт в сфере политики проявляется на уровне самых высших управленческих структур.* Основная же масса населения дистанцируется от политики и отказывается от протестных форм борьбы, и только крайняя нужда, потребность самосохранения выводит на улицу отдельные профессиональные сообщества.

Конфликт «коллективного—индивидуального» как основная ценностная доминанта идеологии тоталитарного общества в новых условиях оборачивается *амбивалентностью сознания.* Конформизм и уравнительность характеризуют крайние проявления коллективного, а уклонение от закона — крайние проявления индивидуального. *Понимание демократии носит ограничительный характер:* уже произошло движение от представлений ее в качестве функционирующих избирательных прав к более широкому пониманию «прав человека». Но это скорее «риторика», по определению И. Валлерстайна [1], чем практика. В реальности высшим уровнем ее функционирования признается

референдум, тогда как в развитых западных странах ее атрибутами являются гарантии прав и свобод, узкий круг вопросов регионального уровня и процедурного решения возникающих противоречий.

Конфликты в сфере культуры имеют преимущественно латентный характер. *Узлы противоречий и дискуссий* сосредотачиваются вокруг *языковых проблем* (знания государственного языка и его функционирования в реальной деловой практике, русского языка и его функционирования в качестве основы межэтнического взаимодействия, знания иностранных и этнических языков и их инструментальной самоценности); а также вокруг проблем *самоидентификации*, которая в условиях повышенной роли индивидуализации, роста национального и этнического самосознания стала носить более глубокий и открытый характер. Разновидностью противоречий в культуре является *конфликт ментальный*. На пересечении политических, гражданских и социокультурных оснований находятся *конфликты этнические*.

Идеология мультикультурализма: новые механизмы солидаризации общества. Для того чтобы намерения стали реальностью, необходимо постоянный диалог власти и членов общества по поводу ценностей и целей, по поводу осознания каждым долговременного интереса в отечестве, по поводу самосохранения и длительного развития страны, поддержания неагрессивного состояния окружающей среды и в то же время уважения человеческого достоинства всех членов общества. Такие ориентации концентрируются в идеологии и образах мультикультурализма. Само понятие мультикультурализма имеет широкий спектр значений: от коммунистической критики либерализма до этноцентристски и расоцентристски мотивированного изоляционизма, от полиэтнической структуры общества до этнизации социальных интересов, от тождества между этничностью и культурой до возведения отдельных субкультур в ранг самостоятельных и автономных культур.

Мультикультурализм в качестве либерально-демократического проекта является новой формой интеграции, обозначившейся в середине XX века, и представляет собой результат социальных практик канадского, австралийского, американского, шведского обществ. В них был накоплен опыт *социального согласия и стабильности полиэтнических и поликультуральных национальных образований*.

Мультикультурализм не тождествен полиэтничности. Они соотносятся между собой, но не простой, а сложной связью. Все мультикультуральные общества являются полиэтничными. Разные этносы входят в институциональные структуры государства. Но, кроме того, относительно самостоятельно существуют *культурные образования*, в которых состоят различные этнии. Конфигурации этнического состава населения в региональном и локальном вариантах в сочетании с ментальными установками выражаются в существовании *специфических субкультур*. Так, в Украине достаточно четко выделяются западная, восточная и южная субкультуры. Они подчеркивают не столько национально-территориальную вариативность социальных сообществ, сколько культурную идентичность надэтнического и надлингвистического

кого содержания, ибо кроме закреплённости в институтах науки, искусства, литературы и различных этнических обществ, особенностей восприятия и отражения социальной реальности, они объединены общей системой знания, сформированной государственными стандартами и ценностями. Именно система образования, средств информации, кодифицированная в институтах социального уровня, определяет основы господствующей культуры.

Мультикультурализм как идеология и как социальная практика начал исследоваться в научном плане в конце 80-х годов прошлого столетия. Причинами, побудившими к оформлению соответствующей теории и принятию управленческих решений, стали процессы миграции, принимавшие глобальные масштабы. Расширенное промышленное воспроизводство, индустрия потребительских товаров и услуг в развитых странах требовали новой рабочей силы и заведомо более низкой оплаты труда, чем ранее. Иммигранты, удовлетворяя потребности глобальной интеграции в сфере экономики, рассчитывали на признание в качестве полноправных граждан в странах, принимавших их. В то же время потоки мигрантов из разных стран, а порой и континентов, разрушали гомогенность традиционно сложившейся культурной сферы. Полиэтничность входила в противоречие с ценностно-нормативной структурой соответствующих обществ. Появлялись новые культурные комплексы и новые свойства самого человеческого «материала», востребованные динамикой трансформационных процессов.

Мультикультуральное общество *изначально ориентировано на согласие и толерантность, но оно отражает и конфликты, складывающиеся по культурному основанию*: разнообразие потребностей и интересов, с одной стороны, амбиции и притязания, исходящие из провозглашённого разнообразия, и ограниченные наборы статусов и ролей — с другой; сохранение культурного ядра, выражающего этническое самосознание и ограничение его отдельных сторон в пользу национально-гражданственных свойств, формирующих интегративные качества нации; ценности, стереотипы, пороки, характеризующие ментальность разных этнических, конфессиональных и собственно культурных групп, которые могут оказывать сопротивление развитию общей культурной среды через ритуалы и установки и развитие инновационных моделей поведения разных социальных групп. Из этого следует, что понятие мультикультурального общества связано с расширением общей картины социального мира.

Мультикультурализм *как идеология* представляет собой своего рода *рефлексию развития общества*. В ней не просто декларируется равноправное существование различных форм культурной жизни, но предполагается разработка комплекса специальных мер, политических решений, социальных технологий по смягчению последствий глобализации, по правовому регулированию эмиграции и условий жизни эмигрантов, по обеспечению прав и свобод этнических меньшинств, закреплённых в документах ООН.

Признание равного статуса культур на международном уровне и в рамках конкретных государственных образований является реализацией идеи о том, что не существует в прямом смысле господствующего центра и отсталой периферии. Оно означает существование комплекса культур, коммуникативные стратегии, которые в опыт повседневного общения, помимо государства, вносят общественные, неправительственные организации, независимо от того, осуществляется ли оно на социальном или социетальном уровне.

Проблематичным при этом остается вопрос «сплавляться» ли в одну общую с небольшими отличиями культуру [2] с единой идентичностью или жить в параллельных культурах, не утрачивая этнокультурных особенностей.

Мировой опыт позволяет выделить четыре модели мультикультурального общества: канадскую, американскую, австралийскую, европейскую. Они фиксируют особенности этнического плюрализма и приоритетов культурной политики в достижении социального согласия. Канада, Северная Америка и Австралия — общества, формировавшиеся за счет миграции. Это общее определяет их разработки в выстраивании отношений между большинством переселенцев из определенных стран и меньшинством, между государством и его отношением к разным этнонациональным и культурным образованиям. К последним относятся различные субкультурные группы, в том числе молодежные, женские (феминистские), экологические и др. Канадская модель демонстрирует стратегию формирования культурно-мозаичной страны *с политической трактовкой общенациональной идентичности*. В социальной политике акцент ставится на сохранении культурного многообразия, на перемещении центра внимания не на две нации, а на две категории граждан, отличные по языку, и создании *равных возможностей для канадцев, говорящих на разных языках*. Однако пока не удается преодолеть острые противоречия между франкоязычной и англоязычной общинами. Эти противоречия связаны с равноправным объемом обеих культур, их соперничающей ролью в развитии канадского государства, их очерченной территориальной локализацией и их борьбой за распределение властных ресурсов.

Позитивный опыт канадской модели состоит в том, что она *переводит проблемы этничности*, этнического радикализма и сепаратизма в *законодательное русло*, а поиск компромиссов проходит по линии признания *значимости наряду с национально-государственной идентичностью этногрупповой и региональной*. Децентрализация власти, как интерпретирует ситуацию В. А. Тишков, в образной форме такова, что меньшинство хотело бы быть большинством в собственном доме [3].

Если канадская модель научно осмыслялась в 60-х годах, то австралийская — с середины 70-х годов. И здесь экономика также являлась «гравитационной силой» переселенческих программ и квот мигрантов. Австралийский мультикультурализм *не просто признает, но поощряет этническое разнообразие*. В идеологии и социальной прак-

тике основная целевая задача также *общенациональная идентичность*. Ее формирование основано не только на принципах общности происхождения, идее родства, но *одновременно на нейтрализации этничности*. При этом социальная помощь оказывается государством не всем мигрантам, а конкретным этническим общинам, *усиливается их роль и авторитет глав этнических образований в местном самоуправлении*.

Канадская и австралийская модели мультикультурализма развивались благодаря действиям правительства и разработкам ученых. Идеология и практика конструировались соответствующими институциональными структурами. В американской модели, напротив, они были иницированы снизу и в основном через социальные движения поляков, греков, итальянцев и словаков, т. е. иммигрантов европейского происхождения и в основном не англосаксов по лингвистическому признаку, боровшихся за свои политические и культурные права. Необходимость деполитизации движения черного и белого населения против расизма и сепаратизма, принявшего большой размах на новом этапе развития американского государства, привела к обоснованию государственной идеологии по этнонациональным взаимодействиям. Первоначальная целевая установка мультикультурализма *«этнического возрождения»*, действовавшая в 70-е годы, была переведена в *область культуры и права*. В конце 80-х годов стали создаваться и реализовываться программы по достижению определенных образовательных, религиозных, феминистских научных целей различными социальными группами.

Особенность американского мультикультурализма состоит в том, что этническое разнообразие *признается нормой*, подтверждается принцип разнообразия как характеристики урбанизированного стиля жизни; *воспроизводство этнического разнообразия соотносится с регуляцией соответствующих политико-правовых функций в разных штатах*. Предполагается, что в ближайшее время *лингвистическое многообразие может стать условием существования всей нации*. Однако практика «позитивной дискриминации» (введение этнических и расовых квот при приеме в вузы и престижные фирмы) не оправдала себя. Интеграция меньшинств в полиэтничное гражданское сообщество так и не состоялась.

Мультикультурализм в США, более чем в других странах, обнажает свои противоречия. Именно здесь *создаются панафриканские, паназиатские, панарабские и др. панэтнические образования* (американские негры; китайцы, корейцы, вьетнамцы — «американские азиаты» и т. д.). Они достигают определенных успехов как в организации криминальных действий, так и в концентрации капитала, продвигаются к определенным социальным статусным позициям (большая часть спортсменов — это лица не американского происхождения).

Модель европейского мультикультурализма более успешна. Она имеет в основном мощное культурное ядро, формировавшееся в течение нескольких столетий одновременно наиболее развитыми странами.

Она обладает духовным генофондом, имеющим общемировую значимость. Мировые религии, создававшиеся в лоне Западной Европы (католическая, протестантская, православная, иудаистская), направляли ценностные основания рядовых граждан на сохранение стабильности в государстве, толерантности по отношению ко всем проживающим в стране, уважение человеческого достоинства. *Обладая свойством оформлять человеческую субъективность, эти идеи в то же время разграничивали поле человеческой коммуникации уже на уровне самосознания.* Отличительной особенностью европейского мультикультурализма при всем разнообразии религиозных, этнических и культурных групп, входящих в ту или иную страну, является *сформированная оценациональная идентичность, общеевропейская ментальность* с ее «взвешенным» рационализмом и высокой мобильностью, инициативой и развитым чувством индивидуальности, демократизмом общественной жизни, отработанными технологиями парламентаризма и специфическими принципами коммуникации в разных средах [4, 5].

Европейский мультикультурализм также имел основания для своего переосмысления. Активная научная работа, дискуссии о смене целевых идеологических принципов относятся к середине 90-х годов. Этнокультурная плюрализация и культурная гомогенность в этот период столкнулись с проблемами глобализации, враждебного отношения к иностранным рабочим, сокращением объемов социальной защиты и общей дестабилизацией социальной сферы в ряде стран, в частности Германии, Англии, Франции. В то же время почти все страны Западной Европы испытывают дефицит трудовых ресурсов и *ведут поиск интеграционных модусов* в создавшихся условиях новой социальной реальности. Социальные льготы в Германии были самыми широкими из всех западноевропейских стран, но Германия в то же время была полем самых острых противоречий этнического плюрализма. Наиболее мощными иммигрантскими потоками являются этнические немцы, возвращающиеся из разных стран мира, евреи, более всего пострадавшие от фашистского геноцида, югославы и турки, приехавшие поначалу на заработки и претендовавшие впоследствии на гражданство Германии. Из этого видно, что целевые установки менялись и все больше этнических групп оседало в Германии. Только из Украины с 1992 по 1997 год выехало 18813 немцев, а если учесть членов их семей, не являющихся коренными этниями Германии, то эта доля значительно вырастает. Примечательно, что при этом немцы-эмигранты из Украины по разному идентифицировали себя; в частности, они относили себя к немцам Галиции, немцам Волыни, немцам Бессарабии (учитывая, что Закарпатье только с 1945 года является частью Украины), немцам-переселенцам из Казахстана и Приволжья [6].

В самих иммигрантских потоках, проживающих ныне в Германии, по-разному понимают смыслы идентификации со страной этнические немцы, евреи, украинцы, турки и др. Требуется своего разрешения вопрос: когда изменилось самосознание иммигрантов — с пересечением границы, с получением в посольстве официальной визы на въезд в со-

ответствующую страну проживания или значительно раньше, т. е. когда основные элементы жизнеустройства и ментальность страны прежнего места жительства оценивались отрицательно и задолго до выезда. Примечательно, что не всегда разрыв идентичности со страной и государством означает утрату идентичности с локальной средой. Это вырастает в проблему двойного гражданства.

Германия, оценивая следствия мультикультурального общества, дискутирует сегодня по вопросам этнического, регионального (земельного) и гражданского права в стратегиях внутренней социальной политики, в тоже время уточняется и корректируется концепция европейской интеграции. *На социальном уровне не встречается поддержки тезис о том, что гражданские факторы выше, чем этнические или земельные*, также как и отсутствует необходимость в формировании общенационального только на этнической основе. В этом, считают немцы, отличие развитых государств от государств, находящихся в стадии становления. *Принцип признания равноправными в приоритетах социальной политики общенационального, регионального и этнического факторов становится более значимым*. При этом немцы не считают для себя мультикультурализм американского общества желанным. *Свойствам профессиональной компетентности и гибкости в конструировании европейской солидарности отдаются предпочтения*, а на практике — выходцев из стран Западной Европы принимают в страну охотнее, чем из стран Восточной Европы, Азии и Африки.

Специфической разновидностью мультикультурализма является советская модель. Несмотря на предписанный и инсценированный характер идентичности («мы советский народ»), в течение пятидесяти лет удалось сформировать некую целостность. Она включала в себя как реальное уважение культуры и достоинства народов, населяющих бывший СССР, их ментальность и обычаи, открытость и естественность поведенческих стереотипов, общие стандарты образования и т. д., так и негативные стереотипы типа «совок». Целостность этого исторического и социально-культурного феномена обозначается в настоящее время в понятии «советская субкультура». Она представляет либерально-правовую часть, определявшую во все времена общецивилизационный уровень развития социума, традиционалистский способ мышления и действия, т. е. консервативное основание, составляющее стабильность общества, и его леворадикальную часть, проявляющуюся то ли в наивной вере в мифы социализма и коммунизма, то ли в имперском мировоззрении и в сверхнациональной идее христианства, то ли в сформированном стереотипе — «жить по понятиям».

Постсоветская модель мультикультурализма отражает постмодернистский подход к анализу идентичности: дислокацию личности в изменившемся социальном пространстве; зигзаги и парадоксы самоидентификации: т. е. изменение статуса в течение достаточно коротких промежутков времени, когда определенный слой населения называли зажиточными хозяйственными работниками, а затем — кулаками; ак-

тивными комсомольцами и партийцами, а затем — врагами народа, борцами за национальные интересы и консолидацию народа, а затем — националистами и экстремистами, появление «новых русских» и «новых украинцев».

По меткому замечанию одного из украинских социологов — В. Тарасенко украинское общество «не переходное, а переводное», его переводят в новое состояние. Здесь указание на институциональные реформы, которые не только не носят системного характера, но порой противоречат друг другу. Здесь и противоречия внешней политики, когда от Востока (России) хотят получить энергоресурсы и газ, инвестиции в совместные предприятия и одновременно заверения о невмешательстве во внутренние дела, в то же время строить отношения с Западом независимо от партнерских отношений с Россией. Отсутствие образа будущей структуры, в которую Украина собирается идти, рождает не только неготовность населения к интеграции во внутреннюю гражданскую ипостаси, но и стимулирует различные слои населения на эмиграцию, коррупцию и дезорганизацию.

В связи с этим важно выяснить, с точки зрения социологического подхода, что представляют собой идентификационные практики в транснациональном, гражданско-национальном, локально-территориальном, этнонациональном и социально-культурном измерении, как структурируются, изменяются ценностные ориентиры и типология поведенческих стереотипов разных этнических групп, по каким основаниям они консолидируются на современном этапе и что является платформой в выработке стратегий конструктивного плюрализма.

Социальные практики мультикультурализма в южноукраинском регионе Подтверждением движения к мультикультуральному обществу является не просто этническое многообразие, характерное для южного региона Украины, а признание *многонационального* состава страны как фактора ее богатства большей частью населения (55%) с небольшими колебаниями между украинцами (46%) и другими этническими группами (52—61%); осознание *необходимости совершенствования законодательства и процедурного оформления проблем достижения реального равенства*, создания условий для развития всех этнических групп большинством населения (84%) независимо от их этнической принадлежности (79—91%); ориентация на деловые и личностные качества при решении профессиональных вопросов (92%); признание факта *успешного* сосуществования религии, стиля жизни,

¹ На первом этапе проекта «Социальные идентичности в Украине» исследование проходило в ее южном и восточном регионах: пилотажная часть в мае—августе 2001 г., опрос населения в Одессе и Харькове — в марте—сентябре 2002 г. Выборка квотная соответственно — 600 и 375 человек. Квоты соответствовали основным этническим группам, представляющим выделенные регионы. Квота украинцев, представляющих титульную нацию, составляла 150 человек. Другими контролируемыми признаками были пол, возраст, образование. Социальное положение и занятость в отраслевой структуре городов контролировалась менее жестко.

культур разных этносов на региональном уровне *большой частью* населения (60 %).

Вместе с тем в *оценке динамики* процесса и реального движения к мультикультуральному обществу 7 % от общего числа опрошенных, а среди украинцев — каждый десятый считает, что происходит *разобщение людей по этническому признаку*. Седьмая часть опрошенных *не ощущает никаких изменений* в регуляции этого процесса, а каждый десятый выражает уверенность в том, что имеет место скрытый конфликт культур. Наиболее остро это переживают русские и болгары (15%; 12%).

В межнациональных браках направленность мультикультурально-го развития подтверждает характер воспроизводства основных этносов. Оно идет у среднего и старшего поколения на 2/3 по традиционному основанию, а у молодежи отмечается тенденция нарастания этнического многообразия. (У украинцев в 1/3 вновь созданных семей, у русских — на 40%, у евреев — наполовину, у молдаван в 10 случаях из 100 — супруг(а) другой национальности).

Мультикультуральную стратегию в государственном измерении подтверждает отсутствие *открытых этнических конфликтов* и отрицание *дискриминации* по языковому принципу.

Социо лингвистическая компетентность и языковые ориентации. Для населения южноукраинского региона, отличающегося от других регионов Украины полиэтничным составом и *устойчивыми* мировоззренческими установками по основанию совместного проживания и толерантности к разным этносам, *нормой становится знание трех языков*. Это варианты украинского государственного, русского как языка межнационального общения и иностранного как языка, обеспечивающего связь с западным миром; другой вариант — украинского, русского и языка этнической группы. Имеет место сочетание обоих вариантов.

Доля граждан, обладающих знанием государственного языка по высшему уровню компетентности (говорят, читают, пишут), составляет по самооценкам у украинцев 91%, русских 56%, болгар 60% и евреев 69%. Русским языком владеет в полной мере 99% украинцев, 96% относящих себя к русским, 99% болгар, 100% евреев. Языком этнических групп по уровню «высшей компетентности» владеют 41% болгар и 8% евреев. Проблематичным является практическое использование языков. Отмечается тенденция более гибкого отношения к языкам у молодого поколения. Иностраный язык все чаще становится инструментальной ценностью и используется как фактор адаптации к новым реалиям жизни — выезда на заработки, ПМЖ, в туристические поездки. Новое явление состоит в том, что знание нескольких европейских языков понимается как знак европейской и транснациональной идентичности. Более того, факторный анализ свойств европейской идентичности показывает, что он, наряду с характеристикой способности работать по избранной профессии в любой

стране, признается в качестве определяющего сущностные основы мультикультурального общества.

Отмеченные тенденции лингвистической компетентности в объеме 3—4 основных языков подтверждаются ориентациями на развитие их у молодого поколения. От половины до трети представителей разных этнических групп хотели бы, чтобы их дети обучались в украинско-русских школах со специализацией по наиболее распространенным европейским языкам.

Социальные идентичности и основания солидаризации в южноукраинском регионе. Иерархия социальных идентичностей в южноукраинском регионе наиболее ярко отражает полиэтничный состав общности. Самым общим основанием интеграции является здесь «этническое». Более половины опрошенных считают главной детерминантой своего нахождения в социуме этническую группу (53,4%, индекс +0,58). Более всего этот фактор характерен для русских и евреев (69,3%, индекс 0,46; 0,53), тогда как болгары идентифицируют себя чаще с гражданами Украины по сравнению с этнической группой. Украинцы чаще всего не соотносят себя с этнической группой, а выражают позицию носителя нации и государства.

Идентичность с гражданством Украины в общем массиве стоит на втором месте (52%), но по-разному проявляется у социальных групп. Украинцы идентифицируют себя в 61 случае из 100, болгары — в 56 из 100, евреи — в 57 из 100, русские — в 34 из 100. Идентичность с «советским человеком», напротив, характерна более всего для русских (43,4%), в остальных этнических группах она колеблется от 2% (У украинцев) до 32% (у евреев). Все индексы имеют отрицательные значения (-0,78 украинцы; -0,10 болгары; -0,16 евреи). Мониторинг по основанию социальных идентичностей показывает *динамику гражданской идентичности, ослабление ощущения себя в рамках бывшей советской общности и рост локально-территориальной идентичности.*

Европейская и транснациональная идентичности слабо выражены (таблицы 1, 2, 3). 18 и 26% от числа опрошенных относят себя к указанным общностям. Диапазон колебания индексов в размахе этнических групп имеет большие величины: от +0,05 у украинцев до -0,64 у болгар в отношении «европейскости», от -0,04 у болгар до -0,43 у русских в отношении «гражданин мира».

Интересны выводы о знаковых символах отнесения себя к двум обозначенным транснациональным общностям и гражданству Украины в разрезе этнических групп, полученные методом факторного анализа.

Амбивалентность сознания проявляется в разных типологических группах, выявленных в ходе исследования и связанных с оценкой ценностных оснований общенациональной сплоченности. С одной стороны, гражданственность как свойство проявляется в активном участии в строительстве украинского государства (факторный вес 0,813) и сохранении ментальности украинского народа (0,746), с другой — в формальном документе — отметке в паспорте (0,797) и в то же время в благодарности

Таблица 1

**Ценностные основания общенациональной украинской идентичности
(факторный анализ, вес факторной нагрузки)**

Формально-правовые и нравственно-этические (13,8%)	Деятельностно-результативные (13,3%)	Мобилизационно-конструктивные (11,6%)	Традиционные социальные и локально-территориальные (11,1%)
отметка в паспорте 0,797	реальное участие в строительстве украинского государства 0,813	необходимость ощущения себя частью нации 0,803	значимость социальных связей с окружающими людьми 0,821
благодарность стране за возможность иметь собственную идентичность и участвовать в формировании общей судьбы 0,703	сохранение ментальности народа, черт общественного сознания 0,746	желание стать конкурентоспособной страной, опираясь на всех, кто живет и трудится в ней 0,699	значимость места проживания и малой Родины 0,672

Таблица 2

**Ценностные основания европейской идентичности
(факторный анализ, вес факторной нагрузки)**

Значения высокого профессионализма и языковой компетентности (17,5%)	Значения либеральных ценностей и использования комфортности жизненных условий (17,4)	Значения познания европейской культуры и европейской ментальности (15,3%)
способность знать несколько европейских языков 0,784	уметь пользоваться благами европейской цивилизации 0,726	необходимость знать культуры основных европейских народов 0,778
способность быть конкурентоспособным и работать по избранной профессии в любой стране 0,729	отстаивать право на честь и свободу 0,471	

Ценностные основания транснациональной идентичности (факторный анализ, вес факторной нагрузки)

Значения высокой мобильности и профессиональной ангажированности (12,5%)	Новое миропонимание (12,0%)	Особая характеристика человеческих свойств (11,9%)	Специфичность систем ценностей (11,9%)	Упрощенное, не рефлексивное восприятие миропорядка (10,0%)
опыт нескольких эмиграции 0,747	ответственность за все человечество 0,733	гибкость и толерантность 0,667	способность "прогибаться" 0,605	восприятие мира как общины 0,698
опыт работы в евроструктурах (еврократы) 0,737	иные жизненные смыслы 0,805			"появление слоя новых украинцев (русских)", которые знают 1 язык, но имеют 3 и более заграничных паспортов 0,580

Таблица 4

Факторы консолидации украинского общества (вес факторной нагрузки)

Этнонациональные (15,8%)	Геополитические (13,9%)	Социально-экономические и гражданские (10%)	Социально-культурные (9%)	Военно-патриотические и военно-стратегические (8,7%)	Регионально-территориальные (5,3%)
знание государственного языка всеми гражданами Украины 0,723	интеграция в Евросоюз 0,893	создание новой экономики 0,730	осознание уникальности судьбы украинского народа, находящегося на перекрестке мировых культур 0,731	осознание судьбы украинского народа как народонациональная война 0,734	общность судьбы с другими славянскими народами 0,790
развитие украинских традиций 0,684	интеграция с другими европейскими структурами 0,882	укрепление чувства принадлежности к стране 0,650	возрождение соборности и православия украинского народа 0,632	вступление в НАТО 0,706	интеграция с Россией 0,510

Украине за то, что она организует и пытается совершенствовать качество жизни в стране (0,703). Обе типологические группы соотносятся между собой в пропорции 27,1% :14% и выражают значимость *социального действия в определении критериев отнесения к гражданству*.

В других типологических группах отмечена важность гражданства Украины как части нации (факторный вес 0,803) и *признание роли реальных человеческих ресурсов* — тех, кто живет и трудится здесь, испытывая и трудности, и подъемы (0,699); *значимость социальных связей*, которые составляют специфическую особенность ментальности украинского народа (0,821) и *роль малой Родины*, т. е. локально-территориальной общности, о которой говорилось выше (0,672). Доля лиц в 3-й и 4-й групп самая большая и составляет 38—49 % от числа опрошенных.

Подводя итоги, можно сделать некоторые *выводы*.

Оценивая факторы, влияющие на консолидацию украинского общества, можно отметить, что в южном регионе наиболее значимыми оказываются этнонациональные и геополитические (табл. 4). Это отражает специфику региона, представляющую самую полиэтническую структуру населения в Украине и его геостратегическое значение в хозяйственном комплексе страны.

Анализ взаимодействия сфер общественной жизни в общем механизме интеграции социума и роли социально-культурных факторов свидетельствует о следующих тенденциях:

— взаимодействие сфер общественной жизни представляет собой одну из важных составляющих интеграции и может характеризоваться в качестве ее границ и системных признаков. Перекосы подсистем экономики и политики, глобализация экономических транснациональных систем или чрезмерная подчиненность их государству, также как и ослабление государственного регулирования национальными богатствами страны, вторжение в сферу культуры с целью контроля и манипуляции массами, приводят к институциональной дезинтеграции;

— приведенные виды конфликтов в разных сферах общественной жизни обозначают проблемные поля украинского общества, а позитивные перемены свидетельствуют о реальных действиях государственных и гражданских социальных институтов в направлении разрешения противоречий и расширении возможностей для самореализации членов общества;

— несмотря на принятые показатели статистической отчетности (в том числе международные), деятельность основных институтов общества не является «прозрачной». Диагностика социальных проблем, их иерархия в общественном мнении населения остаются единственным инструментом оценки скоординированного управления на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях;

— в добавление к сложившимся в практике и отработанным ранее в инструментарии научных исследований индикаторам «качество жизни» предлагаются для обсуждения три показателя: «права человека», «уважение человеческого достоинства», «порядок в стране», кото-

рые могут служить интегрирующими субъективными оценками дискутируемых оснований стабилизации социума;

— рассмотренные модели мультикультуральных обществ (канадского, австралийского, американского) и европейской — на уровне регионального образования — свидетельствуют о том, что мультикультурализм может иметь эвристическое значение для Украины как идеология и как социальная практика. Не абсолютизируя его в качестве норматива, можно извлечь из опыта стран, использующих его в качестве инструмента стабилизации общества, некоторые рациональные стратегии, а именно: признание значимости наряду с национально-государственной идентичностью региональной и этногрупповой, усиление роли и авторитета этнокультурных обществ не только в местном самоуправлении, но и на уровне государственных структур, развитие тактики «этнического возрождения» до уровня законодательных актов и отработки соответствующих политико-правовых функций на региональном и локально-территориальном уровнях;

— движение южного региона Украины к мультикультуральному обществу осуществляется через признание многонационального состава страны в качестве фактора ее богатства большей частью населения и с минимальными различиями между этническими группами, воспроизводством основных этносов в пропорциях от половины до 2/3, в отсутствии открытых конфликтов по этническому основанию, в отсутствии государственной дискриминации по языковому и этническому признакам, признание в качестве нормы необходимости знания трех языков (государственного, русского, этнической группы или одного из европейских иностранных);

— ценностными основаниями общенациональной украинской идентичности являются формально-правовые и нравственно-этические в их противоречивом сочетании, деятельностно-результативные, мобилизационно-конструктивные и традиционно-социальные. Они создают ядро стабилизационного сознания в отличии от кризисного;

— попытка оценки оснований, консолидирующих украинское общество, приводит к заключению о необходимости учета гармонического сочетания этнонациональных, геополитических, социально-экономических и гражданских, следующих за ними — социально-культурных, военно-патриотических и военно-стратегических, а также регионально-территориальных факторов при явной выраженности этнонациональных и геополитических интересов. *Обозначенные приоритеты отражают специфику трансформации украинского общества на данном этапе и обозначают вариативность общественных представлений населения ее южного региона.*

Литература

1. Валлерстайн И. Демократия, капитализм и трансформация // Социология: теория, методы, маркетинг. — № 2. — 2002. — С. 72—85.

2. *Thesenot L.* Fremd in French Social Sciences // Culture 1995, Vol. 9, № 2. Thesenot L. Which Road to Follow? The Moral Complexity of an «Equipped» Humanity // Low I. Mol A. (eds.) Complexities in Science. Technology and Medicine, 1999.
3. *Тушків В.А.* Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы. — М.: Наука, 1977, С. 132—140.
4. *Desrositres A.* La politique des grands nombres: History de la raison statistique. Paris: La Decourezte, 1993.
5. *Deger P.* Ethnische Grenzziehungen, Burgestatus und Multikulturelle Qesellschaft: Qastarbeiter in Deutschland // Kollektive Idenititflt in Kriesen / Hrsq. R. Hettlage, P.Deger, S.Wagner.Opladen, 1997.
6. *Hilkes P.* Deutsche in der Ukraine: migration and Integration. Begleitstudie zur Wanderausstellung «Deutsche aus Odessa dem Schwarmeegebiet». Oust-europa-Institut Mbnchen, 1998, № 210, p. 34.

Н. О. Победа

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНЕ СУСПІЛЬСТВО ТА РЕГІОНАЛЬНІ СТРАТЕГІЇ КОНСТРУКТИВНОГО ПЛЮРАЛІЗМУ

Резюме

Стаття присвячена ролі соціально-культурних факторів в стабілізації соціума. Особлива увага приділяється явищу мультикультуралізму. Воно розглядається як ідеологія і як соціальна практика. Аналізуються моделі канадського, австралійського, американського, радянського мультикультуралізму. Розкриваються соціальні практики, прояви мультикультуралізму у південному регіоні України.

Ключові слова: інтеграція, зверхінтегарція, дезінтеграція, системна інтеграція, мультикультуралізм.

N. A. Pobeda

MULTICULTURAL SOCIETIES AND REGIONAL STRATEGIES OF ETHNICAL RELATIONS' REGULATION

Summary

The article is devoted to the analysis of the interplay of diverse cultural issues and social systems' stability. The special emphasis was made on "Multiculturalism", which is defined as Ideology and/or social practice. In the he research' framework Canadian, Australian, American and Soviet "multiculturalism models" were examined, as well as everyday multicultural practice trends in the South of Ukraine.

Keywords: integration, system integration, disintegration, multiculturalism.